

Дважды забытый (Д.Г.Мессершмидт – первый исследователь удмуртского языка и культуры)

В.В. Напольских (Ижевск)

// Арт (Лад), Сыктывкар, 1998, № 4.

Первые сведения о языке и культуре удмуртов стали достоянием науки в XVIII веке, благодаря в основном немецким учёным, служившим в Императорской Санкт-Петербургской Академии наук: Г.Ф.Миллеру, И.Г.Гмелину, И.Г.Георги и другим. В этот ряд на первое место по праву должно быть поставлено имя Д.Г.Мессершмидта.

Даниил Готлиб Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt) родился 16 сентября 1685 года в гор. Данциге (Гданьске) (здесь и далее биографические сведения о Мессершмидте и о его исследованиях даются по работе [Новлянская 1970]). Отец его, родом из Померании, по сообщению самого Мессершмидта в написанной им для Петербургской Академии автобиографии, “состоял на службе польского короля Иоанна-Казимира сначала торговым посредником или комиссионером, а затем главным корабельным инспектором в Данциге”. В семье было четверо детей: дочь и трое сыновей, среди которых Даниил Готлиб был самым младшим. Севернонемецкое происхождение Мессершмидта заметно и по его сибирским дневникам: и по орфографии (в том числе и в транскрипции удмуртских слов), и по использовании им голландских единиц измерений и пословиц.

С 1706 г. Мессершмидт изучал медицину в университетах Иены и Галле, где получил также основательную подготовку в области естественных наук и по классическим языкам. В 1713 г. он закончил университет и, защитив диссертацию на тему “О разуме, как главенствующем начале всей медицинской науки”, получил учёную степень доктора медицины. Затем последовала врачебная практика в родном городе, научные занятия в области медицины, зоологии, ботаники, дальнейшее изучение древнегреческого, латыни, древнееврейского.

В судьбе Мессершмидта особо значимым оказалось знакомство и дружба с профессором Иоганном Филиппом Брейном (1680-1764), основателем Музея естественноисторических коллекций в Данциге. Именно Брейн в 1716 г. рекомендовал посетившему Данциг во время Северной войны Петру I Мессершмидта как учёного, который мог бы заняться собиранием коллекций и исследованием естественных богатств России. В начале апреля 1718 г. Мессершмидт прибыл по приглашению царя в Петербург. В июле этого года он вместе с русским флотом побывал на мысе Гангут (Ханко) и посетил Финляндию. Воспоминания об этой экскурсии отразились в

дневниковых записях Мессершмидта 1726 года, где он сравнивает слишком свободные по его мнению нравы крестьянской молодёжи удмуртов и финнов. 15 ноября 1718 г. появился указ Петра I о посылке доктора Мессершмидта в Сибирь “для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корений и семян и прочих статей в лекарственные составы”. Этот указ ставил Мессершмидта в непосредственное подчинение Медицинской канцелярии и её архиатера и президента Медицинского факультета И.Д.Блюментроста, куда он должен был присылать все собранные материалы и откуда должна была производиться в Сибири выплата ему жалования и прогонных денег. Академический вельможа Блюментрост сыграл в дальнейшем весьма неприглядную роль в судьбе Мессершмидта. Позднее Медицинской канцелярией Мессершмидту было дано указание описывать также животный и минеральный миры Сибири. Помимо этого он не имел никакой другой инструкции, не было установлено никакого срока его прибывания в Сибири, не имел он и сколько-нибудь чёткого маршрута путешествия.

21 марта 1719 г. Мессершмидт прибыл в Москву, но смог продолжить свой путь в Сибирь лишь 5 сентября в свите посла князя Л.В.Измайлова, направляющегося в Китай, на стругах вниз по Москве-реке, по Оке и по Волге до Казани, а оттуда на санях через Хлынов, Соликамск, Туринск и Тюмень в столицу Сибири, Тобольск, куда посольство прибыло 24 декабря. За время этого путешествия Мессершмидт не имел возможности вести детальные наблюдения, так как был несамостоятелен в своём движении, но на основании дорожных заметок по приезде в Тобольск он составил подробную карту маршрута от Москвы до Тобольска “и всего того, что лежит поблизости по обе стороны дороги”. Карта эта, хранящаяся как и все материалы Мессершмидта, в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф.98, оп.1, № 20, 21), сделана весьма тщательно, и, помимо прочего, содержит указания на национальный состав населённых пунктов вдоль проделанного посольством пути.

25 июня 1720 г. Мессершмидт отправил из Тобольска в Медицинскую канцелярию отчёт, в котором одновременно изложил намеченную программу своих научно-исследовательских работ: подробное описание наиболее интересных памятников древности, растений и животных, фиксация их в зарисовках, гербариях и чучелах, наряду с этим предусматривались исследования в области географии, истории, этнографии и языков.

В июне-декабре 1720 года Мессершмидт проделал путешествие по Тоболу, Исети, Нейве, Туре и Пышме, вернувшись в Тобольск. Уже здесь немалую помощь Мессершмидту оказали шведские пленные, проживавшие в Тобольске. Эта поддержка была тем более необходима, что, во-первых, Мессершмидт не знал русского языка, а, во-вторых, при нём не было ни одного образованного помощника, необходимого в собирании информации и коллекций, в препарировании животных, изготовлении чучел, чертежей и рисунков. По указу от 27 февраля 1721 г. Мессершмидт получил разрешение взять с собой в экспедицию “швецких арестантов обер-офицера Ивана Филиппова Табберта и унтер-офицера Даниила Капелля”, в состав

экспедиции также вошли: рисовальщик Карл Густав Шульман, слуга и переводчик Петер Кратц, повар Андрей Геслер, два русских солдата-денщика и 14-летний русский мальчик Иван Путинцев, купленный немецким учёным в Ялutorовской слободе за 12 рублей. Иван Филиппов Табберт более известен современному учёному миру как Ф.И.Страленберг [Ярош 1968] – шведский учёный, автор одного из первых опубликованных научных описаний Сибири [Strahlenberg 1730], считающийся также первым исследователем, определившим в целом состав уральской языковой семьи [Хайду 1985: 345]. На страницах дневника Мессершмидта за декабрь 1726 года читаем: “теперь ясно, что туземные народы уд-мурт, пор-мурт или вотяки, черемисы, мордва (из которых пермяки были обращены в христианство), а с ними и вогуличи, остяки или ас-ях, улуг-гуй и т.д. а также, видимо, и самоеды и тунгусы имеют очень заметное родство в своих наречиях и отчасти в обычаях и пр., хотя их диалекты со временем всё более и более изменялись и расходились” [СПб филиал Архива РАН, ф.98, оп.1, №5, л. 354]. В материалах Мессершмидта содержится также его классификация народов Сибири, в которой к одному из четырёх классов – “древних гуннов и скифов” он относит остяков (хантов и селькупов), вотяков (удмуртов), черемисов (мари), вогуличей (манси) и кондоров (хантов), самоедов (ненцев и энцев) [Мирзоев 1963: 17; СПб филиал Архива РАН, ф.98, оп. 1, № 21, л. 102-108].

Как видим, определение границ уральской языковой семьи, как и многие другие выводы Ф.И.Страленберга, не принадлежит исключительно ему, но родились, видимо, в ходе его общения с Д.Г.Мессершмидтом в совместном путешествии по Сибири, более того, следует иметь в виду, что в значительной мере именно дружбе с Мессершмидтом и ходатайству последнего был обязан Страленберг возможности путешествовать и проводить свои исследования в Сибири. В свою очередь, Мессершмидт сохранил самые тёплые чувства к своему обрётённому в Сибири другу, и вспоминал его – через пять лет после того, как судьба развела их – даже на последних страницах своего дневника.

1 марта 1721 г. около трёх часов ночи экспедиция Мессершмидта выехала из Тобольска вдоль Иртыша и по Барабинской степи в Томск, где путешественники пробыли до конца июля, собирая материал по растительности, географии, истории и этнографии края. 30 июля экспедиция прибыла в Кузнецк, затем двинулась вверх по р.Томь, через Уйбатскую степь, вниз по реке Абакан до Абаканского острога, откуда вскоре после прибытия съездили в Саянский острог. Здесь внимание Мессершмидта было в основном сосредоточено на изучении археологических памятников и скупке предметов, найденных в могильных курганах. 24 февраля 1722 экспедиция прибыла в Красноярск. Двигаясь к верховьям Абакана и Енисея, в мае добрались до р. Большой Кемчуг, где Страленберг простился с Мессершмидтом и уехал в Тобольск, куда он был вызван. Мессершмидт же через три дня двинулся в путь и пять месяцев путешествовал по юго-

восточной части Красноярского края, в бассейнах рек Чулыма, Абакана, Енисея и их притоков, а затем вернулся в Красноярск.

19 мая 1723 г. Мессершмидт приехал в Енисейск с намерением посетить Мангазею, куда он выехал 1 июня. На берегах Енисея он познакомился с остяками (кетами и селькупам). Судя по их языку, расовому типу и обычаям, Мессершмидт считал их безусловно родственными финнам, допуская как происхождение остяков от последних, так и возможность прихода предков финнов из Сибири на берега Балтики. Из Мангазеи Мессершмидт предпринимает беспрецедентное путешествие вверх по Нижней Тунгуске, которое решится совершить и не всякий наш современник. Здесь он встречает тунгусов (эвенков) и подробно описывает их одежду, украшения, оружие, занятия и приводит небольшой словарь тунгусского языка. Данное описание является, видимо, первым описанием эвенков Средней Сибири вообще. Помимо этнографических наблюдений, Мессершмидт открыл на Нижней Тунгуске каменный уголь, графит и другие полезные ископаемые и дал первое наиболее полное географическое описание маршрута по Нижней Тунгуске. В сентябре 1723 г. Мессершмидт добрался до верховьев Лены, двинулся вверх по реке и 19 декабря прибыл в через Верхолениск в Иркутск. На р.Анга он встретил бурят, сделал описание их жилищ, одежды, привёл несколько употребительных слов.

29 февраля 1724 г. Д.Г.Мессершмидт, захватив в Селенгинск, где находился его друг Лоренц Ланг, выехал через Удинск в Нерчинск. Из Нерчинска его путь пролегал через Аргунский завод, по р. Селенга, далее через Удинск, Иркутск, Енисейск, Маковский острог, вниз по Оби через Нарым, Сургут, Самаров-Ям в Тобольск. В марте 1726 г. Мессершмидт выехал из Тобольска через Тюмень, Туринск и Верхотурье в Соликамск. Попутно он вновь собирает материалы по этнографии и языку обских угров (остяков на Оби и вогулов в Зауралье). Из Соликамска Мессершмидт выехал 14 декабря 1726 г. на 10 санях в сопровождении двух слуг: Петра Кратца и повара Михайлы и двух конвойных солдат сначала по Каме до устья Обвы, затем вверх по Обве к Чепце и вдоль Чепцы до Хлынова. В Хлынов экспедиция приехала 30 декабря в канун нового 1727 года. На следующий день Мессершмидт сделал последнюю запись в своём дневнике, поскольку его сибирское путешествие было завершено. Пробыв в Хлынове пять дней, 5 января 1727 г. Мессершмидт двинулся дальше на запад и, через Нижний Новгород, Муром, Владимир, Москву, 27 марта 1728 г. прибыл в Петербург. Казалось бы, после семи лет путешествия по неведомым просторам Сибири, которое и в наше время сделало бы честь любому исследователю, по прибытии в Петербург основные тяготы и несчастья должны были остаться позади. Однако Мессершмидту предстояло столкнуться с противником, гораздо более страшным чем дикое края, холод и гигантские расстояния – с российской чиновной сволочью (едва ли имеет значение, что её представителями в данном конкретном случае выступали в основном служащие в Академии немцы).

Уже на следующий день после приезда по приказу И.Д.Блюментроста были опечатаны все привезённые Мессершмидтом вещи, как предназначенные к сдаче в Медицинскую канцелярию, так и его собственные. Дело состояло в том, что тобольские таможенники не были удовлетворены размерами взятки, которую им удалось получить от Мессершмидта и его независимым поведением, вследствие чего опечатали весь его багаж и, кроме того донесли в Петербург о слишком, якобы, большом количестве его личных вещей и его непочтительности. На пути из Тобольска в Вятку, из-за известного состояния российских дорог и пьянства конвойных солдат, печати на некоторых сундуках оказались повреждёнными. Это обстоятельство, донос из Тобольска и – надо полагать, самое главное – желание присвоить всё, что Мессершмидт привёз из своего путешествия, и послужили причиной ареста его багажа. Между тем, Мессершмидт имел все основания претендовать на многие материалы, собранные им сверх тематики, обозначенной в царском указе и предписании Медицинской канцелярии (см. выше), на дубликаты и, уж во всяком случае – на материалы, собранные им в течение 1726 года – так как положенного ему жалования он не получал с конца 1725 г.: “а жалования мне дано только по 726 год, а с 726 г. генваря с 1 числа по ниженаписанное число сего 1727 году не дано; тако ж не выдано мне издерженных моих денег, которые я издержал в пути на наем подвод и протчего” [Материалы 1885: 289].

Для осмотра вещей в Академии наук была назначена комиссия в которую вошли такие известные фигуры как Шумахер, Делиль, Миллер и др. Комиссия установила безусловную ценность и уникальность привезённых Мессершмидтом коллекций, рисунков, карт и дала в целом весьма положительную оценку его работе; было решено, отдать Мессершмидту только “лишние” вещи, а те, которые он не обязан был собирать и затратил на них собственные средства, решено было у него забрать и выдать вознаграждение в размере 200 рублей. Почти все материалы были, таким образом, переданы в Академию, причём “из объявленных его, доктора, собственных <подчёркнуто мною – В.Н.> вещей что явилось курьезное, то взято в кунст-камеру ж, с роспискою, а протчее отдано ему, доктору Мессершмидту” [Материалы 1885: 374-375].

Характерно также высказанное комиссией беспокойство о том, что “опасно, ежели доктор Мессершмидт отпущен будет в свое отечество, чтоб он не публиковал о книгах, о описании и о курьезных вещах. О чем медицинская канцелярия да благоволит взять с него сказку, с присягой, чтоб об оном не публиковал без повеления медицинской канцелярии” [Материалы 1885: 347-348]. 13 сентября 1728 г. Мессершмидт принёс присягу в том, что по возвращении на родину он не будет без разрешения Академии наук публиковать оставшиеся у него коллекции, рисунки и др., жалования же своего он не получил, и продолжал ходатайствовать о нём вплоть до своего отъезда в Данциг. В этой заботливости господ академиков об обеспечении своей научной монополии и в личной честности Мессершмидта и состоит причина того, что его материалы (в отличие от Страленберга, который,

будучи военнопленным, был более свободен в своих действиях, чем связавшийся с российской чиновной машиной Мессершмидт) не были опубликованы не только сразу после его путешествия, но и остаются в значительной своей части неопубликованными по сей день (см. ниже).

Следует заметить, что, помимо официального, имел место неприкрытый грабёж и в порядке частной инициативы, как доносил впоследствии сам Мессершмидт: “да после того ж запечатывания, приходил ко мне на ту квартиру секретарь медицинского факультета, иноземец, и по приказу его, архиатера <Блюментроста – В.Н.>, из тех вещей пересмотря, взял у меня без росписки пять сундуков, с тюком, а куды употребил не ведаю” [Материалы 1885: 290].

Злой рок продолжал преследовать Мессершмидта. Из-за болезни своей жены Бригитты Элен, в брак с которой он вступил 17 марта 1728 г., он смог выехать из Петербурга на родину только 16 сентября 1729 г. В Балтийском море недалеко от Пиллау 27 октября произошло кораблекрушение. Корабль, на котором плыл Мессершмидт, затонул, и он потерял все остававшиеся книги, рукописи, коллекции и остальное своё имущество.

В Данциг Мессершмидт, таким образом, вернулся через одиннадцать лет своих путешествий практически без коллекций, без права публикации своих материалов и не имея сколько-нибудь значительных денежных средств. Родина встретила его не слишком радушно и он, нищий и разочарованный, вернулся – в напрасной надежде найти возможность работать над своими материалами в Академии – в Петербург в 1730 г.. Здесь, однако, он был уже никому не нужен и жил практически без средств, в бедности, покинутый женой и дочерью, на благодеяния некоторых высокопоставленных особ, в частности Феофана Прокоповича. Умер Д.Г.Мессершмидт в Петербурге 25 марта 1735 г., не дожив и до пятидесяти лет.

Судьба Мессершмидта показывает, что положение и оценка труда учёного в России и в начале XVIII века, как и в конце XX определялись не научными заслугами и не подвижническим трудом на благо науки и страны, а местом в чиновной иерархии, способностью угождать или хотя бы быть удобным для власть имущих, умением войти в число “своих”. Независимый и нежелающий входить в “систему” человек, если только он не обладает исключительной энергией и жизненной силой, обречён, как бы трудолюбив и талантлив он не был, на страдания при жизни и забвение после смерти.

Так случилось и с Мессершмидтом. Вероятно, он был не очень уживчивым, достаточно жёстким и независимым человеком, что заметно и по текстам его путевых записок, но совершённый им научный подвиг безусловно перевешивает любые недостатки его характера, и уж во всяком случае собранные Мессершмидтом уникальные материалы никак не заслуживали того удела, который выпал им на долю после смерти учёного.

Считается, что большая часть коллекций Мессершмидта погибла во время пожара 1747 года, и до наших дней сохранился в основном рукописный фонд, хранящийся в Санкт-Петербургском отделении Архива

АН СССР. При этом большинство рукописей обработаны, систематизированы и переплетены самим Мессершмидтом, в том числе и сводная работа по итогам экспедиции, *Sibiria perlustrata*, отдельные тома которой посвящены географии, ботанике и орнитологии, истории и археологии Сибири.

Особый интерес представляет путевой журнал Д.Г.Мессершмидта, состоящий из пяти томов и охватывающий период с января 1721 г. по декабрь 1726 г. Помимо прочего в нём содержатся сведения об происхождении, территории расселения, об образе жизни и обычаях, о религиозных верованиях и обрядах, о жилищах, занятиях, орудиях труда и оружии, о внешнем облике, одежде и украшениях и т.д. и т.п. многих народов Российской Империи: татар, калмыков, бурят, монголов, киргизов, казахов, самоедов, остяков, вогулов, тунгусов и др. Нередко описания сопровождаются зарисовками. Почти всегда даются сведения о языке этих народов, в частности – списки наиболее употребительных слов (в том числе – и языков, ныне бесследно исчезнувших, например, маторского, енисейских). Об уровне образованности и широком кругозоре автора свидетельствуют его пространные рассуждения о происхождении этих народов и их древней истории (см. выше об уральских народах), написанные нередко на латыни, цитаты из античных поэтов, вставки на латинском, древнегреческом, русском, голландском, древнееврейском и других языках.

Вопрос об издании материалов Мессершмидта ставился в России неоднократно, но так и не был разрешён. Ещё в 1731 году (при жизни самого Мессершмидта, сидевшего в Петербурге без средств к существованию!) подготовку к изданию вёл акад. И.Амман, который умер в 1741 году, вследствие чего были опубликованы лишь выдержки из рукописей. П.С.Паллас опубликовал извлечения из рукописей Мессершмидта, сделанные И.Г.Георги [Боднарский 1947: 95]. Вообще рукописи Мессершмидта неоднократно использовали многие учёные, в частности, участники Второй Камчатской экспедиции И.Г.Гмелин и Г.Ф.Миллер, позднее – И.Г.Георги, П.С.Паллас, И.П.Фальк, А.Ф.Миддендорф, В.В.Радлов, И.П.Толмачев, А.Л.Чекановский и другие.

Вопрос об издании материалов Мессершмидта поднимался Академии в 1769 г., вновь без последствий. В 1901 году по этому поводу даже была составлена докладная записка, мотивировавшая целесообразность их напечатания, и была осуществлена переписка подлинников путевых дневников, но на этом всё и закончилось [Материалы 1940: 28]. Теперь, таким образом, помимо оригиналов, в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН имеются ещё и каллиграфические копии дневников Мессершмидта [ф.98, оп.1, №52-56].

Лишь в 1960 г. Берлинская академия наук (ГДР) совместно с Институтом истории естествознания и техники АН СССР приступила к изданию дневника Мессершмидта. В течение 1962-1977 гг. вышло пять томов [Messerschmidt 1962-1977], и, таким образом, имя Мессершмидта было впервые реально возвращено науке после более чем двухвекового забвения.

При этом, правда, остались неопубликованными остальные его материалы и “несибирская” часть дневниковых записей после возвращения в Соликамск (с апреля по декабрь 1726 г.).

Последнее обстоятельство особенно важно для исследователей удмуртского языка и культуры. Дело в том, что на пути из Соликамска в Хлынов Мессершмидт посетил ряд удмуртских деревень в бассейне Чепцы (см. рис. 1, 2) и собрал сведения об образе жизни, традиционных занятиях, одежде, жилище, семейных обычаях и религии удмуртов. Кроме того он закупил и описал 2 полных комплекта традиционной удмуртской одежды.

По-видимому, впервые Мессершмидтом зафиксированы важнейшие термины удмуртской этнонимии, в частности – самоназвание удмуртов: “Что же касается их названия *вомяк* [*Woitiack*], то это есть внешнее прозвище народности, которое было дано этому народу русскими <...>; а их имя, которое им для себя на их языке издревле служит есть на самом деле *удмурт* [*Uhd-murt*], *уд-ские люди* [*die Uhdische leute*], так как *мурт* [*Murt*] значит также ‘человек’; отсюда же они на своём *уд-ском языке* [*in ihrer Uhdischen sprache*] и другие народы называют, напр. русских – *руч-мурт* [*Ssuytsch-murt*], татар-магометан *бигер-мурт* [*Bygéer-murt*], черемисов *пор-мурт* [*Póor-murt*], также и мужчину *воргорон-мурт* [*Woorgoron-murt*], женщину – *кышно-мурт* [*Kyschna-murt*]” [СПбФА РАН, ф. 98, оп. 1, №5, л. 353 об.]. Приводит он также и название удмуртского территориального объединения *Калмес*: “*калмес-мурт* [*Kalmes-Murd*] на их языке от реки *Калмес* [*Kalméss*]” [СПбФА РАН, ф. 98, оп. 1, №5, л. 356].

Мессершмидт предлагает и свою этимологию самоназвания удмуртов: “а *уд* [*Uhd*] означает, по их словам, гостеприимного хозяина” [СПбФА РАН, ф. 98, оп. 1, №5, л. 353 об.]. Интересно, что, судя по контексту этого сообщения, данная этимология была придумана не им самим, а получена при расспросе удмуртов, и является, таким образом, первой записанной удмуртской народной этимологией слова *удмурт*, которая позже, кажется, нигде больше не фиксировалась: от удм. глагольной основы *уд-* в *удыны* ‘угостить (вином); напоить’ (отсюда, видимо, придумано слово *уд ‘гостеприимный хозяин’, на самом деле по законам удмуртского языка едва ли возможное). Хотя эта этимология не может быть принята как научная, она представляет безусловный интерес как факт истории удмуртской социолингвистики и этнопсихологии.

Мессершмидт обратил особое внимание на языческую религию удмуртов: “*инмарлы вöсяськыны кулэ* [*Ingmar-lu wysháischkinu kúla*], т.е. ‘нам надлежит молиться богу’, как они сами говорят. Также наряду с *Инмаром* [*Ingmar / Jen-mar*] почитают они *Шунды* и *Толэзь* [*Schiundy und Taulýsch*], т.е. Солнце и Луну” [СПбФА РАН, ф. 98, оп. 1, №5, л. 351 об.]. Им обозначена западная граница расселения удмуртов-язычников, проходившая примерно в тридцати верстах западнее сегодняшней дер. Дизьмино Ярского р-на Удмуртии, где он имел религиозную дискуссию с удмуртом, упоминавшим в речи имя Христа, услышанное от русских, но не желавшим признавать его своим богом [СПбФА РАН, ф. 98, оп. 1, №5, л. 359].

Мессершмидт записал несколько фраз на удмуртском языке и латинско-удмуртский словарик в 344 слова [СПбФА РАН, ф. 98, оп. 1, №5, лл. 360 об. - 362 об.] (см. рис. 3). Вероятно, это – первый словарь удмуртского языка, который по объёму и качеству безусловно превосходит более поздние записи Страленберга, да и, пожалуй, Миллера и Палласа. Лингвистический анализ удмуртского словаря Мессершмидта – предмет особого исследования, однако уже сейчас можно сказать, что он содержит ряд уникальных и чрезвычайно интересных слов и форм.

Знакомясь с удмуртским языком, Мессершмидт обратил внимание на большую близость его с коми-пермяцким: “в отношении их языка, я сам нашёл его весьма совпадающим с пермяцким на Пелыме и т.д. [*mit der Permeckischen umb Pelim u.s.w.*], как это мне и было сообщено одним крещёным пермяком в 1722 г. в Красноярске у устья Качи на Енисее” [СПбФА РАН, ф. 98, оп. 1, №5, л. 352]. Подобная отсылка представляет огромный интерес: во-первых, как указание на проживание коми-пермяков в районе Красноярска в указанное время; во-вторых, как свидетельство о том, что и в начале XVIII века факт близости коми и удмуртского языков был известен представителям этих народов – даже переселенцам в Сибирь.

Вообще, упоминания пермяков у Мессершмидта нередки, в его списках названий птиц имеются отдельные пермяцкие слова, в качестве единицы измерения пути он использует наряду с новой верстой *чункас* [*Tschunkas*], равный пяти верстам – меру длины, распространённую в те времена в Сибири и на Урале, название которой происходит из коми языка (– *чом кос* ‘расстояние между чумами, охотничьими избушками’) [Фасмер IV: 383]. Однако каких-либо подробных сведений о коми в его записках, кажется, нет. Это объясняется, видимо, тем, что Мессершмидт уделял специальное внимание изучению некрещёных народов, каковыми были в то время чепецкие удмурты. Коми же, как крещёные люди, равно как и русские (и, по-видимому, крещёные удмурты на нижней Чепце), особого интереса у него не вызывали.

Наконец, Мессершмидту принадлежит первое из известных на сегодняшний день (и, может быть, первое из когда-либо созданных вообще) изображение удмурта, точнее – удмуртки за прялкой в высоком головном уборе типа айшона – *ашкон* [*Aschkon*] в записи Мессершмидта (см. рис. 4). Этот рисунок не только вполне доступен в архивном фонде (на него имеются отдельная карточка в каталоге и запись в описи на русском языке), но и был опубликован [Обозрение 1933: 160], однако парадоксальным образом оставался до сих пор неизвестен в удмуртской этнографии.

Здесь мы возвращаемся к заголовку статьи – Мессершмидт действительно был забыт дважды: первый раз Российской Академией после своего возвращения из Сибири и ранней кончины, второй раз – исследователями удмуртского языка и этнографии. В работах, посвящённых истории удмуртского народного костюма и народному искусству удмуртов [Белицер 1951; Крюкова 1973] приводятся рисунки из собрания Георги (семидесятые годы XVIII века), Мессершмидт же не упоминается вообще,

хотя его рисунок (сопровожаемый и подробным описанием), несмотря на то, что, в отличие от рисунков Георги, он выполнен карандашом, не менее информативен, отражает костюм северных удмуртов, и в любом случае продлевает документированную историю удмуртской народной одежды почти на полвека.

В специальном исследовании по истории удмуртской этнографии Мессершмидт также ни словом не упомянут, а первая фиксация названия *удмурт* приписана Г.Ф.Миллеру (посетил южных удмуртов в 1733 году) [Владыкин, Христолюбова 1984: 11]. Забавно, что при этом авторы сетуют на то, что сообщения авторов XVIII века “описывали в основном удмуртов Казанской губернии и почти ничего не сообщали о других территориальных группах удмуртов” [Владыкин, Христолюбова 1984: 13]. Не менее любопытно упоминание о Страленберге: “Филипп Иоганн Страленберг (швед по национальности, лингвист и этнограф, принимал участие в сибирской экспедиции 1720-1727 гг.)” [Владыкин, Христолюбова 1984: 9-10]. Под “сибирской экспедицией 1720-1727 гг.” скрывается, разумеется, экспедиция Мессершмидта, авторы здесь ссылаются на книгу М.Г.Новлянской о Страленберге [Новлянская 1966], потрудившись заглянуть в которую, они, могли бы узнать о роли Мессершмидта в “сибирской экспедиции”, а, проявив минимум любопытства и последовательности и раскрыв книгу того же автора, давно уже ко времени написания их труда опубликованную, могли бы прочитать там следующее сообщение: “остановившись в вотятской, или удмуртской, деревне Юскан, учёный собрал довольно большие сведения об этом народе, о его образе жизни, занятиях, религии, языке и т.д. <...> Подробно описав внутреннее устройство удмуртской избы, учёный сообщил некоторые сведения о религиозных обрядах <...> К этому описанию Мессершмидт добавил список, включавший около 400 удмуртских слов, а несколько позднее, уже в 1727 г., приложил рисунок удмурта” [Новлянская 1970: 147-148].

Впрочем, авторы упомянутого выше сочинения архивными да и реальными библиографическими поисками себя, очевидно, не слишком затрудняли. Другое дело – специальное исследование, посвящённое ранним памятникам удмуртского языка, в том числе и рукописным [Тепляшина 1966]. Опубликовав словари Страленберга, Миллера, Фишера, Палласа, Фалька, Дамаскина и исследовав первые грамматики удмуртского языка, Т.И.Тепляшина не могла не знать и не упомянуть Мессершмидта, о котором она пишет буквально следующее: “С.К.Булич отмечает, что Д.Г.Мессершмидтом были представлены лингвистические материалы и по удмуртскому языку. Однако, эти материалы нам обнаружить не удалось. Приходится сожалеть, что они остались неопубликованными и не дошли до нас. Возможно, что часть коллекций Мессершмидта погибла при пожаре Академии наук в 1874 году. Лингвистическими материалами Мессершмидта в своё время пользовались известные учёные П.С.Паллас, В.В.Радлов и другие” [Тепляшина 1965: 7]. Примерно та же сентенция повторяется и в других работах удмуртских лексикографов вплоть до последнего времени

(см., например, в буквальном переводе на удмуртский язык, но без ссылки на Т.И.Тепляшину [Тараканов 1992: 118]).

Каким образом Т.И.Тепляшиной удалось не найти лежащий в открытом фонде Санкт-Петербургского филиала Архива РАН в двух экземплярах (см. выше) удмуртский словарь Мессершмидта – вообще первый словарь удмуртского языка, существование которого не было секретом для исследователей его биографии, остаётся полной загадкой.

Вновь “открыты” материалы Мессершмидта для удмуртской науки были только в 1996 году м.н.с. Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН Н.В.Борлуковой, благодаря которой в Институте теперь начата работа по подготовке удмуртских материалов Мессершмидта к публикации. Хочу также выразить признательность работникам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, в особенности А.Н.Анфертьевой и Н.С.Прохоренко, которые в сегодняшних нелёгких условиях неизменно внимательны и готовы оказать всяческую поддержку работающим в Архиве исследователям.

Данная публикация носит предварительный характер: необходимо познакомить коллег, занимающихся историей, культурой и языками пермских народов с материалами Мессершмидта, вернуть его незаслуженно забытое имя в пермистику. Надеюсь, что в скором времени удастся осуществить полное комментированное издание этих материалов.

Литература

1. Белицер В.Н. 1951. Народная одежда удмуртов (материалы к этногенезу). Москва.
2. Боднарский М.С. 1947. Очерки по истории русского земледелия. Москва.
3. Владыкин В.Е., Христоробова Л.С. 1984. История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск.
4. Крюкова Т.А. 1973. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск – Ленинград.
5. Материалы 1885 – Материалы для истории императорской Академии Наук. т.1. СПб, 1885.
6. Материалы 1940 – Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках. Сост. В.Ф. Гнучева. Ред. В.Л. Комаров. // *Труды Архива ЛО АН*. Вып. 4. Москва-Ленинград, 1940.
7. Мирзоев В.Г. 1963. Историография Сибири (XVIII в.). Кемерово.
8. Новлянская М.Г. 1966. Филипп Иоганн Страленберг. Москва – Ленинград.
9. Новлянская М.Г. 1970. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Ленинград.
10. Обзорение 1933 – Обзорение архивных материалов // *Труды Архива ЛО АН*. Вып. 1. 1933. Ленинград.
11. Тараканов И.В. 1992. Туала удмурт кыл. Лексикология. Ижевск.
12. Тепляшина Т.И. 1966. Памятники удмуртской письменности XVIII века. (Выпуск первый). Москва.
13. Фасмер М. I-IV. Этимологический словарь русского языка. Пер. и дополнения О.М.Трубачёва. Т.1-4. Москва, 1986-1987.
14. Хайду П. 1985. Уральские языки и народы. Пер. Е.А.Хелимского. Москва.

15. Ярош Г. 1968. Ф.И.Табберт-Страленберг – спутник исследователя Сибири Д.Г.Мессершмидта // *Известия Сибирского отделения наук*. № 1 (136), вып. 1. Новосибирск.
16. Messerschmidt D.G. 1962–1977. Forschungsreise durch Sibirien 1720-1727. Tagebuchaufzeichnungen. Hrsg. von E.Winter, G.Uschmann, G.Jarosch. Teile I-V. Berlin.
17. Strahlenberg Ph.J. 1730. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm.